

в одной сорочке. Он лишился владимирского стола, который занял враждовавший с ним брат Константин.

Вот об этой «болезни», из-за которой Русская земля «оскудела от рати и от продаж», как сказали киевляне князю Святополку в 1093 г., и говорит «Слово о погибели». И в противоположность вызванному ею оскудению, оно рисует красочный образ Руси, совпадающий в отдельных мотивах с такими же образами в описаниях других стран, страдавших от междоусобий или чужеземных завоеваний. Тут также озера, реки, горы, холмы, поля, города и села: «Всего еси исполнена земля руская!..». Так выясняется общественно-политическая психология возникновения «Слова о погибели» в тех пределах, в каких оно сохранилось.

«Слово о погибели» дает также достаточно материала для того, чтобы ответить на вопросы, из какого круга общества и родом из какой части древней Руси был его автор. И. Н. Жданов охарактеризовал стиль «Слова о погибели» как агиографическую риторику, указав этим на связь его с церковною литературою.¹⁷ Однако это может относиться лишь к началу памятника: «О, светло светлая и украсно украшена земля руская, и многими красотами удивлена еси». Этими словами ограничивается непосредственное влияние церковной литературы на «Слово о погибели», но это стиль не агиографический, это стиль акафистов.

Понятия «света» и «красоты» в разнообразных тавтологических сочетаниях представляют характерные черты языка акафистов. Недаром Чехов в рассказе «Святою ночью», давая несколько примеров красочного языка акафистов, которые он вставляет в речь послушника Иеронима, приводит как характерное для них выражение: «Светоподательна светильника сущим...».

Уже в одном из первых русских акафистов, в акафисте Борису и Глебу, фрагменты которого вошли в состав «Повести временных лет», под 1015 г., находим мотивы света и красоты: «луча светозарна явистася, яко светиле озаряюща всю землю Русьскую»; «божьими светлостями яве облистаети»; «възвысила бо есть ваю светоносная любви небесная, темь красных всех наследоваста в небеснемь жити. . . свет разумный, красныя радости»; «багрянищу. . . красно носяща. . .»; «Радуйтася, светозарное солнце церкви стяжавша. . .»; «Радуйтася, светлеи звезде, заутра восходящи. . .».¹⁸ Стиль первых русских акафистов был создан по греческим образцам, а последние существовали на Руси в переводах, сохранявших мотивы своих ранних оригиналов и равнявшихся по ним. Об этом говорит заглавный лист Киево-Печерского издания акафистов 1628 г., где акафист характеризуется как «от еллинских исправленный и благочинно по таинственному их творению расположенный». Поэтому мы не сделаем ошибки, если мотивы и стиль акафистов, доступных нам в более поздних текстах XVII столетия, распространим на Киевскую Русь.

Вот несколько примеров на мотив «света» из текстов акафистов в изданиях XVII столетия: «Утро светлейшее», «свету жилище», «чертог все-светлый», «светоприемная свеща истинного света», «пресветлый светильник», «свет превыше всех светлостей», «заря солнца многосветлая», «светильника два все-светлая», «светильнику свет последова пресветлый», «света солнечного светлейший».

Примеры на мотив «красоты»: «Шипок багряно украшенный», «красное благоухания пение», «светоносное и красное торжество», «красный рай»,

¹⁷ И. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895, стр. 96, выноска.

¹⁸ ПСРА, т. I, 2-е изд. Л., 1926, стлб. 138—139.